

Биография одного исследования: к работе о модусах существования

Бруно ЛАТУР

Профессор, директор, Медиалаборатория, Институт политических исследований (Sciences Po). Адрес: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Ключевые слова: модус существования; акторно-сетевая теория; агентность; семиотика; антропология.

В статье представлена история создания коллективного проекта *АИМЕ* («Исследование модусов существования: антропология нововременных»), история лежащей в его основе акторно-сетевой теории, а также через концепт «модусов существования» очерчивается связь между философией и антропологией. Делая краткий экскурс в свою интеллектуальную и институциональную биографию, автор показывает преемственность между двумя большими этапами своей исследовательской карьеры. Проект *АИМЕ* представляет собой исследование цивилизации Нового времени, выходящее за пределы генеалогии или критики Западного Разума. Вопрос о том, что представляют из себя люди Нового времени, обладает совершенно особой сложностью, так как это антропология самих антропологов. Чтобы такое исследование не оказалось редуccionистским, и вводится концепт «модусов существования» — сложных социаль-

но-антропологически-культурных комплексов, обладающих собственным уникальным типом опыта.

Проект *АИМЕ* родился из техник библейской экзегезы. Опыт полевых антропологических исследований в Западной Африке продемонстрировал необходимость антропологического исследования самой цивилизации Нового времени. Это исследование началось в форме антропологии науки в Институте Солка, затем испытало влияние семиотики и этнометодологии, а также сотрудничества с физиками, биологами, физиологами, экологами и т. д., что привело в итоге к созданию концептов ирредукционизма и симметричной антропологии, которые теперь лежат в основе «антропологии нововременных». Таким образом, проект *АИМЕ* так же укоренен в собственной социальной, семиотической и политической истории, как и его «подследственные» — «нововременные» люди и не-люди.

ДЛЯ эмпирической (а не просто эмпиристской) философии исследование — это единственный способ разыскания ее концептов и их испытания перед тем, как они предстанут перед критикой коллег. И все же: хотя исследование как жанр и обладает в философии заслуженным авторитетом, весьма необычна ситуация, когда автор решается предложить своим читателям принять в нем участие. Тем не менее именно это я и собираюсь сделать, публикуя книгу «Исследование модусов существования: антропология нововременных»¹ на своем сайте, ибо это позволит его посетителям, которые в свою очередь станут со-исследователями, подробно изучить мою аргументацию и предложить иные направления исследования, иные доказательства, иные подходы. Так, я приглашаю своих со-исследователей помочь мне обнаружить путеводную нить опыта, обратив внимание на несколько режимов истины, которые я буду называть *модусами существования* вслед за недавно переизданной странной книгой Этьена Сурио, содержащей это выражение в заглавии².

Использование этих модусов позволяет мне предложить *нововременным* (*the Moderns*) (следует, конечно, еще определить, что означает этот термин) более реалистичное описание, нежели те, что представляют рождение Западного Разума, или же те, что основаны на критике этого Разума. Моя гипотеза состоит в том, что

Перевод с английского Анны Лобановой и Станислава Гавриленко по электронной публикации: © Latour B. *Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence*// *Social Studies of Science*. 2013. Vol. 43. № 2. P. 287–301. Публикуется с любезного разрешения автора.

Текст представляет собой набросок статьи для материалов по изучению модусов существования (*An Inquiry Into Modes of Existence, AIME*) в рамках проекта «Философские архивы» (*Archives de philosophie*), координируемого Бруно Карсенти. — Прим. пер.

1. Latour B. *Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes*. P.: La Découverte, 2012; *Idem*. *An Inquiry Into the Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
2. Souriau E. *Les différents modes d'existence*. P.: Presses Universitaires de France, 2009; данное издание открывается введением *Le sphinx de l'œuvre* Бруно Латура и Изабеллы Стенгерс.

каждый из этих модусов позволяет воздать должное — в эмпирических областях, которыми я до сих пор занимался, — определенной тональности в опыте, условиям успешности (*felicity*) или неуспешности, характерным для каждого конкретного случая, и особенно (вот где таится подлинная опасность) специфической онтологии. В действительности каждый такой модус вынуждает нас сталкиваться с особыми сущностями, к каждой из которых следует обращаться на ее собственном языке. Классический вопрос философии «В чем состоит сущность технологии, науки, религии и т. д.?» превращается в вопрос «Что за вещи соответствуют технологии, науке, религии и какой Нововременные выработали к ним подход?». Но как же мы сможем оправдать умножение этих модусов, когда сама цивилизация, изучением которой мы занимаемся, постигает себя с помощью всего лишь двух категорий: субъекта и объекта (хотя, правда, в тысяче различных комбинаций)?

Когда читатели не понимают, почему я постоянно менял поля исследования, когда им непонятна его общая логика — и это заставляет их искать мои книги в разных отделах книжных магазинов (если они вообще их ищут!), — их комментарии забавляют меня, ибо я не знаю ни одного человека, который бы столь же упорно занимался одним и тем же исследованием день за днем на протяжении 25 лет, выдавая ответы на одни и те же вопросы. Вот почему, быть может, стоит описать путь, который привел меня к столь необычной форме философской антропологии. Не рассказывать о своей жизни, — ведь если система прочна, то автором и вовсе не нужно интересоваться, — а, скорее, набросать биографию моего аргумента на основе его собственной истории. Никого не удивишь эмпирическим появлением на свет эмпирической философии. И в этой статье я хотел бы выполнить противоречивое упражнение и рассказать о хаотическом зарождении того систематического аргумента, чье постоянство на протяжении уже более тридцати лет удивляет даже меня.

Если вернуться назад в прошлое, сознательное прошлое, — я избавлю читателей от злоключений моего бессознательного, — то мне следует начать с опыта сближения для меня Шарля Пеги и Рудольфа Бультмана. Каждый сентябрь, невзирая на столь важный в винной торговле урожай, родители брали меня в Орлеан на ежегодный фестиваль Пеги. И если чтение «Клио» Пеги глубоко повлияло на меня, то лишь потому, что я соединил уроки музыки Клио, этой великой толковательницы,

с дотошным и плодотворным изучением библейской экзегезы³. С 1966 по 1973 год, когда я был воинствующим католическим студентом Университета в Дижоне, мне посчастливилось обучаться философии у профессора Андре Мале, протестантского пастора и переводчика Бультмана⁴. В его руках, подобных пергаменту, библейский текст наконец-то становился постижимым, представлял как длительный процесс трансформаций, изобретений, толкований и различных рационализаций, которые, взятые вместе, очерчивали слой интерпретаций, каждая из которых — и это важно — по-своему поднимала вопрос о верности и предательстве: верны или сфабрикованы изобретение, нечестивое переписывание или удивительное переоткрытие? После занятий мы часами сравнивали различные повествования о воскресении: например, стоит ли считать их информативными историями (гроб действительно пуст) или же *трансформационными* рассказами (ангел с поднятым перстом проясняет, как следует читать Священное Писание и как такие повествования способны *воскресить* человека, которому они адресованы)?

Лишь потому, что им удалось избежать необъяснимой формы трансцендентности и неподвижности, лишь потому, что они стали локализованными, историческими, связанными с конкретными обстоятельствами, сделанными, изобретенными и постоянно переизобретаемыми, каждый раз заново поднимая вопрос о собственной правдивости (*veracity*), библейские тексты стали в конце концов действующими и доступными. Вопрос о тяжелой ответственности читателя, столь впечатляюще поставленный в «Клио», получил свое научное освещение у Бультмана. Как ни странно, но, на мой взгляд, систематическая деконструкция всех догматических верований путем экзегезы вовсе не ослабляла ценности истины, которую интерпретации воспроизводили снова и снова, и наконец-то позволила поставить вопрос о религиозной истине, но только при условии признания того, что существует путь «веридикции»⁵ с собственными условиями успешности, путь, следы которого остаются в экзегезе и чье тревожное ритмичное звучание Пеги пытался воспроизвести на рубеже XX века.

3. *Péguy C. Oeuvres en prose 1909–1914*. P.: Gallimard; Ed. de la Pléiade, 1961.

4. *Bultmann R. L'histoire de la tradition synoptique / A. Malet (trans.)*. P.: Seuil, 1971.

5. Термин Мишеля Фуко, означающий «говорение истины» или «правдивую речь». — *Прим. пер.*

В своей диссертации⁶, защищенной в 1975 году и тотчас отданной на растерзание критике пылевых клещей, я развил этот подход, анализируя Евангелие от Марка и «Святого» Пеги (по причинам, непонятным мне и сегодня, я добавил еще и третьего святого — поэта Сен-Жона Перса). Немного Деррида и Леви-Стросса плюс огромная доза Делёза придали моему рассуждению современный лоск, который, конечно, не могли обеспечить ни Пеги, ни Бультман. Согласно моему анализу, хотя тексты о пустой гробнице и не несут никакой информации, они делают нечто гораздо более значимое: они указывают на возможность иных режимов правдивой (*veridical*) и верифицируемой речи⁷. Неудивительно, что в этот период становления во мне сформировалась абсолютная, но в чем-то парадоксальная уверенность в том, что чем больший пласт текстов будет проинтерпретирован, преобразован, пересмотрен, заново прошит, переигран, сплетен заново (каждый раз другим способом), тем вероятнее проявится содержащаяся в нем истина при условии (и это я взял на заметку, чтобы использовать позднее), что известно, как отличить ее от другого модуса истины — чистой и совершенной информации, которую я тогда еще не называл информацией «двойного клика», так как компьютерные мыши еще не щекотали наших ладоней... Так началась длительная борьба против стирания посредников.

Так как в те времена еще можно было избежать военной службы, вступив в своего рода французский Корпус мира, я оставил лицей Грея в Верхней Соне и отправился преподавать в технический лицей в Абиджане. Можете ли вы представить, насколько разительной эта перемена была для меня, провинциального буржуазного католика с ученой степенью по философии, очутившегося в самом сердце неокOLONиальной Африки с женой и ребенком! Именно в Абиджане в 1973–1975 годах я неожиданно столкнулся с самыми хищными формами капитализма, впервые познакомился с методами этнографии и загадками антропологии. Одна из них с тех пор не оставляла меня: почему мы используем идеи современности и фронта модернизации, само различие между современным и до-современным, до того,

6. Латур защитил диссертацию (*thèse de troisième cycle*) по теме «Экзегеза и онтология в контексте воскресения» в Университете Тура под руководством теолога Клода Брюэра. — *Прим. ред.*

7. Latour B. La répétition de Charles Péguy // Péguy, écrivain. Colloque du centenaire. P.: Klincksieck, 1977. P. 75–100.

как применим к тем, кто называет себя цивилизаторами, те же методы исследования, что и к «другим» — тем, кого мы пытаемся если и не полностью цивилизовать, то хотя бы немного осовременить?

По счастливой случайности полевое исследование, предложенное моими коллегами по Управлению научно-техническими исследованиями за рубежом (*Office de la Recherche Scientifique et Technique Outre-Mer, ORSTOM*) — ныне Научно-исследовательский институт развития (*L'Institut de Recherche pour le Développement, IRD*), — было связано с фабриками в Кот-д'Ивуаре и проблемой местных кадров, а именно: почему руководителям-экспатриантам не удавалось найти африканские кадры, достаточно компетентные, чтобы заменить их, экспатриантов? Я сразу понял, что если при решении этой проблемы буду использовать схему борьбы между модернизацией и архаичностью, то ничего не смогу понять. Но в то же время я осознавал, что альтернативной схемы не было, так как мы не знали, как в терминах этнографии описать смысл понятий «рациональный», «эффективный», «компетентный», «прибыльный» — всех тех качеств, которые, по мнению экспатриантов, отсутствовали у коренного населения. Я ясно видел, что все эти воинственно окрашенные прилагательные завоевателей не были результатом какого-либо независимого описания — это были всего лишь слоганы и боевые кличи. И если люди торопились привлечь к исследованию «культурные аспекты», «когнитивные ограничения», «черные души» и «африканский менталитет», то потому, что их определения для работы мышления не были достаточно материальными и конкретными. Асимметрия была ужасающей: Белые антропологизировали Черных — да, именно так, но они избегали антропологизации самих себя. Или все же решались на это, но в ложно дистанцирующей, «экзотической» манере, акцентируя внимание на наиболее архаических чертах своего общества — общинных праздниках, вере в астрологию, праздновании первого причастия, но вовсе не на том, что я видел собственными глазами (глазами, натренированными коллективным чтением «Анти-Эдипа»⁸): промышленных технологиях, экономизации, «технологических разработках», научном обосновании и т. д., иными словами, на всем том, что составляет структурное ядро разрастающихся империй.

8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Поэтому-то и зародилась идея применить методы социальных наук, в частности этнографии, к наиболее современным практикам. В 1975 году Калифорния, казалось, находилась на передовой человеческого прогресса и даже являлась его «самонаводящимся оружием». Мой друг-ученый из Дижона Роже Гиймен⁹ (бывший когда-то алтарником у дяди-священника!) предложил мне поработать вместе с ним в недавно созданном Институте Солка в Сан-Диего, правда, при условии, что я найду источник финансирования. Мне тогда потребовалось всего несколько страниц, чтобы набросать проект антропологии, которая смогла бы в конце концов обеспечить этнографическое описание тех, кто называл себя современным и рациональным. До сих пор помню изумленный взгляд консульского агента, занимавшегося моей заявкой на грант Фулбрайта, когда он услышал мое самоуверенное заявление о том, что я собираюсь сделать антропологию наконец-то *симметричной!* Я находил вполне законными свои попытки встроить сравнительную антропологию в маршрут, ведущий из Абиджана в Сан-Диего через древние, мощные улочки Бона¹⁰ и пересекающий три максимально разные модели современности. Пункт назначения: Соединенные Штаты. Поле: научная лаборатория. В записной книжке, которую я вел с 13 лет, я на нескольких строчках очертил проект сравнения модусов истинности — это было первое упоминание книги, которая появится только 40 лет спустя.

Каково же было мое удивление, когда я, оказавшись в чудесном здании Луиса Кана¹¹ с видом на Тихий океан, где находилась лаборатория Гиймена, обнаружил, что научная работа в лаборатории имела странное сходство с толкованием Библии, оставленным мной в Бургундии... Я знал, что как хороший этнограф я должен скептически относиться к идеям, витающим в воздухе, но я и не представлял, что следование «записям»¹² и идеография инструментов окажутся столь плодородной почвой для этих

9. Французско-американский ученый-эндокринолог (р. 1924), лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1977 года «за открытия, связанные с секрецией пептидных гормонов мозга», которую он разделил вместе с Эндрю Шалли. — *Прим. пер.*

10. Бон — город во Франции, место рождения Бруно Латюра. Считается винодельческой столицей Бургундии. — *Прим. пер.*

11. Луис Исидор Кан (1901–1974) — известный американский архитектор. — *Прим. пер.*

12. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.

идей¹³. И все же, как только я попытался сфокусировать свое внимание на тех документах, которыми так одержимо и при этом повседневно интересовались ученые в белых халатах, мне тотчас открылось все таинство производства фактов. Я стал шаг за шагом следовать за трансформациями этих документов, как если бы науки могли быть воплощены в хрупких и едва уловимых интеллектуальных технологиях¹⁴. В этом мне помогал не только Деррида, но и Франсуа Дагонье, чья небольшая работа «Письмо и иконография»¹⁵ подсказала мне правильный путь: я жадно шел по нему, как собака, напавшая на след добычи.

Как получилось, что эта форма материальности совершенно исчезла из эпистемологии, подобно тому как библейская экзегетика — из проповеди католической догмы? Как объяснить, что и здесь заигрывание с трансцендентностью привело к сокрытию целого слоя текстов, документов, которые нужно постоянно заново сплетать, чтобы произвести истину, которой мы напрасно пытаемся придать более прочное основание? Возможно, научная веридикция также далека от информации «двойного клика», как последняя — от религиозной истины. В этом случае мы столкнулись бы с *тремя типами* веридикции, каждый из которых полностью отличается от другого и является истинным в пределах собственного жанра и на свой манер.

В Сан-Диего я приобрел привычку приглашать в лабораторию (где я проводил по 12 часов в день) умнейших людей. Я надеялся, что они прольют свет своей мудрости на тайну антропологии науки, которую я еще не знал, как расшифровать. Именно здесь я встретил главных героев исследований науки — поля, которое тогда только изобреталось на пересечении социологии науки Мертона, этнометодологии и нарождавшейся Эдинбургской школы. Стив Вулгар, Гарри Коллинз, Тревор Пинч и Карин Кнорр — все они приезжали в Институт Солка, встречаясь с некоторыми из «моих» ученых и коллегами из близлежащего Калифорнийского университета в Сан-Диего, такими как Аарон Сикурел, Бад Механ и Джо Гасфилд.

По счастливой случайности именно тогда, когда я задавался своими безнадежно трудными вопросами, я благодаря Пао-

13. Les “vues” de l’esprit: visualization et connaissance scientifique // B. Latour, J. De Noblet (eds). P.: Culture Technique, 1972.

14. Representation in Scientific Practice / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

15. *Dagognet F. Écriture et iconographie*. P.: Vrin, 1974.

ло Фаббри познакомился с семиотикой, а благодаря друзьям из университета и позднее Стиву Вулгару — с этнометодологией. До сих пор помню, как был восхищен, когда Фаббри с его высоким голосом и очаровательным итальянским акцентом подхватил текст, вышедший из лабораторной машины, — текст, полный диаграмм и химических формул, касающихся открытия нейропептида, вскоре ставшего известным как тиреотропин-рилизинг-фактор (*TRF*), — и спокойно стал применять к нему анализ Греймаса, как если бы имел дело со сказкой¹⁶. В умелых руках Паоло разнообразные формы *актеров* уже нельзя было спутать с более глубоким обнаружением *актантов*¹⁷. И я вдруг понял, что у не-человеческих персонажей своя судьба, которую можно было бы проследить, откажись мы от иллюзий, что они онтологически отличны от человеческих персонажей. Единственное, что необходимо было бы учесть, так это их *агентность*, их способность действовать, а также то многообразие форм, которыми они были наделены.

Так мир раскрыл мне то, что я не закончил исследовать и что так удивительно, должен заметить, подходило к принципам сравнительной антропологии: коллективы — я еще не использовал это слово — отличались лишь той формой, которой они наделяли актантов посредством испытаний, а вовсе не тем, что одни актанты были реальными и рациональными, а другие — символическими, вымышленными или мифическими. Сила семиотики — следствие возвышенного и радикального безразличия к тривиальному реализму субъектов и социальных акторов. Это было идеальным условием для изучения изобретательности наук, придавленной задачей имитации мира и сокрушенной тем, что

16. Latour B., Fabbri P. La rhétorique de la science: pouvoir et devoir dans un article de science exacte // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1977. Vol. 13. № 1. P. 81–95.

17. Греймас так поясняет разницу между актором и актантом (на примере изучения сказок): «...если акторов можно определить, оставаясь в пределах одной конкретной сказки, то актанты, которые суть не что иное, как классы акторов, поддаются определению, лишь исходя из корпуса всех сказок без исключения: распределение акторов создает отдельную сказку, а структура актантов — жанр. Актанты, таким образом, обладают металингвистическим статусом по отношению к актерам» (Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 156. Перевод изменен). — *Прим. ред.*

их так часто путали с жалкими «фактами» (*matters of fact*), оторванными от «проблем» (*matters of concern*). Только семиотика научных текстов и записей, освобожденная от обыденного реализма, смогла развернуть этот совершенно оригинальный модус референции.

Нетрудно будет понять мое волнение. У меня было сильное чувство, что этому явлению — циркуляции научной истины по цепочкам записей — будет нелегко занять место в философии, из-за огромного престижа Науки. Поскольку записи были в стороне от познающих субъектов и познаваемых объектов, модус существования научного знания, казалось, заслуживал лучшей участи, нежели положения ничейной земли между словами и вещами. Я и не представлял, что для того, чтобы он занял подобающее ему место, придется свернуть горы, как и не думал, что и сорок лет спустя буду все так же упорно трудиться над этой задачей...

Страсть к семиотике, которая делала свои первые шаги, работая как с библейскими, так и с художественными текстами, могла привести меня к простой «текстуализации» научной деятельности, если бы приблизительно в то же время я не открыл в работах Гарфинкеля¹⁸ совершенно иной способ порвать с социальным реализмом, столь распространенным в социологии (не зная тогда, что Майк Линч работает ровно над тем же). Станный, переполненный жаргонизмами гений этнометодологии берет свое начало в открытии того, что всякий способ действия, даже самый обычный, постоянно прерывается очень маленьким *разрывом* (*hiatus*), требующим от актора, оснащенного собственными микрометодами, изобретательного акта восстановления порядка. Как неуклюжий сотрудник лаборатории, я непреднамеренно умножал опыты этих «разрывов», лишь оттенявших с таким трудом приобретенные компетенции моих товарищей. Стиль Гарфинкеля немного смущал меня, но я понимал, что именно он предлагал сделать со всем тем, что я уже подметил в религиозном толковании и обнаружил на лабораторном столе при интерпретации научных текстов: никакая непрерывность образа действия невозможна без изобретательного восстановления порядка, которое обеспечивает социальных акторов рефлексивными способностями, источниками нововведений и даже социологиями и онтологиями, применение которых выходит далеко за рам-

18. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

ки способностей этнологов. Подследственный всегда знает гораздо больше, чем следователь¹⁹.

Вот почему я до сих пор считаю, что мои занятия философией в юности были столь необходимы: лишь она одна была достаточно не прирученной, чтобы позволить следовать без излишнего удивления за изобретательностью агентов. Лишь пройдя школу метафизики, можно стать хорошим этнографом. Идея о том, что акторов больше не следует рассматривать в качестве «культурных идиотов», удивительным образом резонировала с идеей актантов, развиваемой семиотикой. К счастью, я был достаточно несведущ в социологии и не мог знать, что Гарфинкель так и не был усвоен социальными науками, как Греймас — эпистемологией. Таким образом, ничто не мешало мне использовать термины «социальное» и даже «социальная конструкция», чтобы описать судьбу не-человеческих существ, которые начинали заселять коллективы²⁰. Но я даже представить себе не мог, что мне самому потребуется четверть века, чтобы избавиться от непонимания, порожденного использованием термина «социальное», и всех тех сложностей, которые, к моему удивлению, были с ним связаны²¹. Хотя со времен счастливого детства в Боне я оставался убежденным реалистом и был одним из первых, кто, наконец, точно описал материальность наук, мне вдруг предъявили обвинения в отвратительнейшем преступлении, совершенном по неосторожности, — сомнении в самой научной объективности с позиций «релятивизма».

Вернемся во Францию, 1977 год. В поисках соратников я очутился в здании Генерального директората по научным и техническим исследованиям (*Direction Générale de la Recherche Scientifique et Technique, DGRST*) на рю де Варен, привлеченный проектом изучения эволюции биомолекулярной химии, автор которого, некто Мишель Каллон из Горной школы Парижа, утверждал, что не собирается предоставлять результаты своего анализа для предварительной проверки химикам, так как хотел бы выработать подход, *независимый* от научного авторитета. Ах! Мне

19. Игра слов: англ. *investigatee/investigator* — подследственный/следователь, исследуемый/исследователь. — Прим. ред.

20. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. 2nd ed., with a new postword. Princeton: Princeton University Press, 1986 [1979].

21. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

не терпелось встретиться с этим отважным малым, который собирался столь свободно говорить о науке! Наша встреча была необыкновенной удачей, и в итоге я почти четверть века проработал в тихой заводи Центра социологии инноваций Горной школы.

Именно благодаря Мишелю Каллону я познакомился с индустрией полевых исследований. Как мы полагали, технические устройства, которые мы собирались исследовать с точки зрения инноваций (инновации были тогда в моде, и деньги на изучение их источников выделялись в больших количествах), предъявляли форму реализма, которая не могла быть исчерпана понятиями эффективности или прибыли. В ходе наших исследований мы реконструировали, как инженерам приходилось проектировать целый мир, чтобы их самые рискованные инновации продержались чуть дольше. Здесь я столкнулся с образом действий, который не могли объяснить ни непрерывность, ни перемещение необходимости, ни жесткая причинность. Разрыв, свойственный новым технологиям, — с существующими практиками по определению порывают путем инноваций — был поразителен тем, что когда, казалось, все шло своим чередом, когда устройство действительно работало, возникал *обходной путь (detour)* через посредничество объектов с довольно странным статусом — технических объектов, чей «модус существования» (тогда я впервые услышал этот термин) был описан Жильбером Симондоном²².

Подобно тому как науки, с точки зрения их практики, нельзя было заключить в тиски эпистемологии, так и технологии, особенно наиболее передовые, не могли быть выражены простой идеей эффективного воздействия на материю: они имели отношение к магии, религии, философии, у них был собственный мир со своими организациями, переговорами, расчетами, метафизикой и даже моралью. Технологии бросали вызов этнографическим и социологическим описаниям тем, что нарушали границы, отделяющие их от человеческих субъектов²³. Но, кроме того (что важнее), они населяли коллективы не-человеческих акторов, которые посредством делегирования оказывали воздействие на человеческих акторов, вызывая несметное число непредвиденных последствий, которые мы с радостью отслеживали вместе

22. *Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. P.: Aubier, 1958.*

23. *Latour B. Mixing Humans with Non-Humans: Sociology of a Door-Opener // Social Problems. 1988. Vol. 35. P. 298–310.*

с коллегами по исследованиям технологий²⁴. Техническая инфраструктура была — или так казалось мне и Каллону — самым «социальным» элементом в данном обществе при условии, что мы вернулись к этимологии прилагательного «социальный» и смогли следовать за всеми *ассоциациями*, необходимыми для расширения сети, особенно если мы добавляли ко всему этому интеллектуальные технологии, за которыми мы научились следовать, изучая лаборатории, и которые оказались повсеместно смешанными с техническими устройствами²⁵. К машинам нам приходилось присоединять офисы, к шестеренкам — бухгалтерские технологии, к сопротивлению материалов — целые институты стандартизации.

И все же, по мнению наших коллег из наук, легитимно называемых социальными, социальное неспособно было вместить в себе все те множественные изменчивые связи, обозначенные нами словом «перевод», которое мы намеренно позаимствовали у Мишеля Серра²⁶. Каждую субботу мы посещали семинары Серра в прокуренном амфитеатре Сорбонны (тогда люди курили прямо в аудиториях!) и каждый раз извлекали пользу из той смелости, с которой он развивал свою «антропологию науки», основанную на чрезвычайно плодотворном принципе экзегезы. Согласно этому принципу, единый метаязык текста — будь то стихотворение, басня, мемуары или научный трактат — всегда можно найти в самом тексте. Надо только отыскать его. В этом заключался прекрасный методологический урок следования за «актерами как таковыми» — подход, совместимый и с семиотикой, и с этнометодологией. Описывать, описывать и еще раз описывать. Объяснения и контексты были куда менее важны, нежели сам процесс соединения текста Тита Ливия, аргументации Рене Жирара и топологической теоремы в одной плотной интерпретативной сети. Если бы было время, объяснение появилось бы позже.

Открытие обходных путей технологий и делегирования прибило к моему списку новый модус, онтология которого была очень

24. The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. Pinch (eds). Cambridge: MA: MIT Press, 1987.

25. Callon M. Pour une sociologie des controverses techniques // *Fundamenta Scientiae*. 1981. Vol. 2. № 3/4. P. 381–399.

26. Каллон М. О некоторых элементах социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё (перевод данной статьи будет опубликован в следующем номере «Логоса»).

неправильно связана с понятием «материальности». Я даже начал было сомневаться, не стоит ли мне пересмотреть свою философию, как на мое счастье — всегда дело в удаче — мне позвонила антрополог из Калифорнии и пригласила принять участие в первом коллоквиуме специалистов по приматам *Papio anubis*²⁷, которых только начинали систематически изучать. Им нужен был наблюдатель научных дебатов! Даже 35 лет спустя я не могу забыть пережитый шок от встречи с Ширли Штрум, приматологией, этнологией, кенийской саванной, а главное — обезьянами. Прежде всего мне предстояло обнаружить, что напряженная социальная жизнь тех самых обезьяньих полчищ, которые на тот момент уже семь лет изучала и до сих пор продолжает изучать Ширли, хорошо совместима с очень ограниченным использованием технических средств²⁸.

Используя только свои лапы и мозги, бабуины проявляли невообразимую степень социальной сложности, достойную внимания Гарфинкеля. Все это послужило отличным подтверждением наших с Каллоном и Джоном Ло интуиций о технологическом изготовлении общества: людей характеризует не возникновение социального, а обходные пути, работа по переводу, включение всех возможных действий во все более и более замысловатые (однако не обязательно более сложные²⁹) технологические порядки. Через несколько месяцев после моего возвращения с полевых исследований в Кении в 1979 году мы написали черновик основополагающего текста акторно-сетевой теории — «Разбирая большой Левиафан»³⁰. Предложенная в этой работе социальная теория была достаточно открытой, чтобы вместить связи между людьми и не-людьми — в особенности путем превращения *изменения масштаба* в результат использования организационных и материальных технологий. Тем самым производство социального науками, в том числе экономикой, правом и менеджментом, оказалось более открытым для эмпирического исследования.

27. Павиан анубис. — *Прим. пер.*

28. *Strum S.* Agonistic Dominance among Baboons: An Alternative View // *International Journal of Primatology*. 1982. Vol. 3. P. 175–202.

29. *Strum S., Latour B.* The Meanings of Social: From Baboons to Human // *Information sur les Sciences Sociales/Social Science Information*. 1987. Vol. 26. P. 783–802.

30. *Callon M., Latour B.* Unscrewing the Big Leviathan: How Do Actors Macrostructure Reality, and How Sociologists Help Them To Do So? // *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro Sociologies* / K. Knorr, A. Cicourel (eds). L.: Routledge. 1981. P. 277–303.

Переходя от социального к ассоциациям, аналитик наконец получил столько же свободы для маневра, сколько имели его информаторы. Он мог вырваться из узких рамок «социального измерения» научных или технических феноменов, содержание которых, как предполагалось, полностью от него ускользало. Надо было следовать за расширяющимися социотехническими сетями. Мы заявляли об этом во всеуслышание по любому удобному и не очень случаю: должно быть, мы были невыносимы, но, в конце концов, мы были молоды и горячи, и, кроме того, мы были правы! И подтверждение не заставило себя ждать: экологам тогда почти удалось убедить каждого считаться как с людьми, так и не-людьми. По крайней мере в этом нас нельзя было застать врасплох — мы ждали этот новый мир с оружием в руках или, лучше сказать, ждали его подобно слугам из Евангелия, наши светильники уже горели...

Однако не изобретение «социологии перевода», каким бы важным оно ни являлось, было тем, что я извлек из долгого сотрудничества с Ширли Штрум и ее мужем Дэвидом Вестерном. Нет, ключевым открытием был так удививший меня единый способ ассоциации всех живых организмов, предоставленных своим собственным устройствам. Конечно же, я был знаком с лабораториями, я только что начал исследовать искусственные — в хорошем смысле этого слова — аспекты экспериментов, я прекрасно знал и то, что в сельской местности нет ничего естественного (особенно в идеально разливованных виноградниках родного Кот д'Ор), но как я должен был определить созданное изучаемыми обезьянами пространство? Мы *следовали* за ними по пятнам, а не шли *вперед* — этим все сказано: как мог я не поражаться этим обезьянам, чей путь пересекали скачущие газели, зебры и стада буйволов, а иногда мимо бесшумно проплывали гиппопотамы? Нет, это была не дикая природа, не знаменитая *wildlife*. Или, скорее, да, это было все перечисленное сразу, но одновременно и что-то другое: сегмент в траектории феноменов, предоставленных самим себе, без пугающего присутствия человека. Последний оказался оттеснен со сцены. И все же эти ученые, способные следовать за объектом исследования, а не господствовать над ним, создавали науку и притом очень хорошую науку, которую я усваивал так быстро, как мог, преподавая вместе с Ширли эволюцию технологий и экологии в Калифорнийском университете Сан-Диего почти ежегодно с 1979 по 1992 год. Разные практики приматологии — от привязанных к стульям подопытных макаков в лабораториях и заключенных в зоопарках шимпанзе до па-

вианов, за которыми в течение месяца день за днем следовали воодушевленные докторанты, — давали изумительные уроки философии. В них раскрывались всевозможные положения познающего субъекта и познаваемого объекта. Поэтому мне была вполне понятна та страсть³¹, с которой отдавалась своему делу Донна Харауэй, которую я встретил в 1981 году. Пока мы по пятам следовали за павианами, Ширли, совершенно незаметная среди них, подобно Афине на поле битвы, тихо объясняла мне удивительную сложность их общества, успевая при этом что-то записывать. Именно тогда я начал представлять себе иные отношения между знанием и познаваемым миром. Но чтобы перейти к ним, мне необходимо было познакомиться с «иной метафизикой» — метафизикой Уильяма Джемса и Альфреда Уайтхеда.

В то время никакое слово не подходило для описания впечатления от сотрудничества с Ширли и другими этнологами лучше, чем *несводимость* (*irreduction*). Этот термин был предметом опубликованного в 1984 году небольшого «политико-научного трактата»³², любопытной философской работы, не нашедшей своего читателя и представлявшей странную смесь из сетевой теории, ницшеанства и нападок на эпистемологию — и все это на фоне холодной войны. Этот термин сочетал меткую интуицию (различение между отношениями силы и отношениями разума делает непонятными как силу, так и разум) с полнейшим и совершенно незамеченным противоречием: я предлагал использовать один и тот же метаязык — с понятиями перевода, сетей и энтелехий — для всех ассоциаций. И если я всегда и питал слабость к этой незрелой и язвительной работе, то лишь потому, что сейчас знаю: она имела дело с отдельным модусом существования (а вовсе не с философией несводимости, как я полагал тогда), модусом, позволяющим развернуть сети гетерогенных и непредсказуемых ассоциаций, не позволяя запугать себя различными областями. В той книге мне удалось продемонстрировать эффективность этого анализа в историко-семиотическом исследовании открытий Луи Пастера, нашего национального героя. В качестве модуса анализ сети незаменим в исследовании (я еще раз продемонстрировал это в восхитительном исследовании автоматизированной железнодорож-

31. Haraway D. Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science. L.: Routledge; Kegan Paul, 1989.

32. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

ной системы³³), но, как и любой модус, он тяготеет к гегемонии и неверному пониманию других модусов. Но даже сейчас, если бы кто-нибудь спросил меня «В чем состоит ваша философия?», я бы не нашел иного ответа, кроме: «Почитайте „Несводимое“». (Не стоит беспокоиться: никто никогда не задавал мне подобный вопрос, так как горячие споры вокруг релятивизма и «научных войн» превратили меня тогда в простого социолога, сторонника социального конструктивизма, согласно которому «все между собой равно» — объективная наука и магия, суеверия и летающие тарелки...)

Чтобы понять, как мне удалось свести все перечисленные компоненты воедино, нужно упомянуть еще две встречи; кажется, для мышления — всегда решающее значение играют встречи, последствия которых переживаются в полном одиночестве (без одиночества ничего не происходит, но тем более ничего не происходит без встречи). Едва я вернулся в Париж, как Паоло Фаббри познакомил меня с Франсуазой Бастид — выдающимся физиологом и семиотиком, с которой я имел счастье проработать вплоть до ее преждевременной смерти в 1988 году. Франсуаза со всей серьезностью одинокой женщины-протестантки испытывала к текстам то же абсолютное уважение, что и к противоточному мультипликатору почек, который она изучала в лаборатории Коллеж де Франс. Специалист и автор научных текстов, она прекрасно понимала, что семиотика, несмотря на все свои заверения в приверженности одним лишь текстам, на практике никогда не переставала полагаться на то, что происходило вне их пределов. Дилемма состояла в том, как подступить к этому «внешнему», не скатываясь к клише о человеческих субъектах, погруженных в социальный и материальный контексты. Необходимо было *распространить* интуиции семиотики за пределы первоначальных границ — библейских и литературных текстов, — не жертвуя при этом независимостью самой семиотики от обыденного реализма. Греймас, чья блестящая лысина терялась в завесе дыма, скапливающегося за семинар, с улыбкой поддерживал нас в этом проекте (сигареты, вероятно, и убили его, как, впрочем, и Франсуазу).

Именно тогда мы и усовершенствовали небольшую часть нашего аппарата, которая основывалась на теории высказывания. С художественными текстами все просто: как только высказывание произведено внутри референциальных рамок текста (ведь

33. Latour B. Aramis, ou l'amour des techniques. P.: La Découverte, 1992.

это почти всегда вопрос текстов), становится нетрудно проследить пути актантов. Однако все несколько сложнее в случае по крайней мере двух режимов высказывания: научных приборов и технологических устройств. Для них, вне всякого сомнения, процессы смещения должны быть прослежены с особой тщательностью. Нефигуративные персонажи научных текстов тоже могут путешествовать, как вымышленные персонажи художественных текстов, однако они должны возвращаться, чтобы *приносить с собой* нечто, что оказывается в руках таинственного высказывающегося, присутствие которого в художественном тексте не имеет значения, потому что никто не спросит с Флобера в доказательство его слов свидетельство о рождении госпожи Бовари³⁴. Эйнштейн и его маленькие релятивистские персонажи послужили для нас своеобразным тестом, позволившим нам установить странность этой фикции на пути к постепенной верификации³⁵. Но с наибольшими трудностями мы столкнулись в случае технологических объектов, так как необходимо было подорвать саму текстуальную рамку. И опять же проблема состояла не в материальности, а в особой роли высказывающегося, способного отсутствовать, поскольку объекты остаются без него на своем месте.

На самом деле, как мы скоро заметили, сама возможность смещения уровней высказывания пришла к нам из области технологий. Отсутствие нарратора из плоти и крови в художественном повествовании является семиотическим качеством не художественной литературы, а, скорее, *книг* как технологических объектов: без книг нарратор был бы рассказчиком историй, который так же мало отсутствовал в том, что высказывал, как и кукловод в представлении японского театра кукол бунраку. Мы с Франсуазой предполагали, что можно сравнивать *режимы высказывания* — именно этот термин я тогда использовал, — переходя от одного высказывания к другому, уделяя особое внимание соответствующим ролям отправителя, получателя и самого акта высказывания. В 1986 году я написал черновик первого варианта текста АМІ — «Ангел, Машина, Инструмент», используя общий словарь, чтобы провести это сравнение (потребовалось 26 лет, дабы от АМІ прийти к АІМЕ...). К несчастью, этот проект остановил

34. Latour B., Bastide F. Essai de science fabrication // Études françaises. 1983. Vol. 19. P. 111–133.

35. Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity // Social Studies of Science. 1988. Vol. 18. P. 3–44.

ся в связи с безвременной смертью Франсуазы — лишь она одна владела семиотической технологией, необходимой для разработки этой модели³⁶.

Если у читателей сложилось впечатление, что новая книга о модусах существования³⁷ — результат моей работы в социологии науки и технологии, как если бы после эмпирических исследований я в преклонном возрасте вернулся к философии, то это всего лишь оптическая иллюзия. «Наука в действии»³⁸ — книга, которую я написал между этими двумя этапами, — была опубликована в 1987 году. Как раз тогда я заканчивал начатое в 1986 году исследование о различных режимах веридикции. Следуя за циркуляцией, ответственной за производство фактов и конструирование машин, можно прочитать «Науку в действии» не только как применение акторно-сетевой теории (это, несомненно, так), но и как детальное исследование трех режимов истины: научной референции, технологической махинации и противостоящего им злого гения информации «двойного клика». В действительности же произошло два разных события: мое знакомство с Изабеллой Стенгерс и неожиданный успех так называемой акторно-сетевой теории (АСТ). Этот успех и последующие споры задержали публикацию другого проекта, хотя я и продолжал им заниматься.

Именно Стенгерс, с которой я знаком с 1978 года, я был обязан за ту постоянную критику, которой она подвергала любые социологические объяснения (даже усовершенствованные акторно-сетевой теорией), непрестанно предлагаемые мной и Каллоном. Она проблематизировала все мои социосемиотические наработки решительным «знаю-знаю, но тем не менее...» и, делая характерное быстрое круговое движение правой рукой, требовала, чтобы в ходе анализа на поверхность извлекалось нечто, что было бы самим миром, но миром, схваченным иначе. Микробы Пастера, магнитные муфты автоматизированной железнодорожной системы «Арамис» и даже знаменитые морские гребешки Мишеля Каллона — все они, несомненно существовавшие, блиставшие в своей реальности актанты и движущие силы, не были в глазах Стенгерс

36. *Bastide F.* Una notte con Saturno: scritti semiotici sul discorso scientifico / R. Pellerey (trans.). Rome: Meltemi, 2001.

37. *Latour B.* Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes. P.: La découverte, 2012; *Idem.* An Inquiry Into Modes of Existence. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

38. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.

достаточной гарантией того, что нам удалось преодолеть текст, социальное и символическое. Чтобы достичь этого, нам нужно было схватить мир, не втягивая в него человеческих субъектов со всей их одержимостью знанием, понимаемым как отношение между словами и вещами.

Я почти уверен, что это был 1987 год: во время нашего разговора у бассейна в Ле Тре Стенгерс поделилась со мной удивительной цитатой из Уайтхеда, который был тогда еще менее известен, чем Габриель Тард. Это цитата о риске, который берут на себя камни — да, камни — для того, чтобы продолжать существовать. Должно быть, эта цитата была из знаменитого пассажа об обелиске Игла Клеопатры на набережной Чаринг-Кросс в «Понятии природы»³⁹. В августе того же года на острове близ Гетеборга, растянувшись на солнце, я скользил пальцами по шероховатой поверхности красной породы, как если бы пытался выяснить, был ли Уайтхед прав... Тогда-то мне и открылось, что именно обнаружил я в Кении и на что смутно намекал принцип несводимости: есть абсолютно автономный модус существования, который очень неадекватно схватывается понятиями природы, материального мира, внешнего, объекта. И этот мир разделяет со всеми остальными одну важную особенность: риск, принимаемый для того, чтобы продолжать существовать. Таким образом, разрыв, который я очень рано обнаружил в библейской экзегетике и который затем открыл при изучении научных записей, в рассеянных маршрутах способов действия, в удивительных обходных путях технологии — этот самый разрыв был и здесь, и в первую очередь здесь, в кажущейся непрерывности здесь-бытия. Это было прозрением, и оно соединилось с другими, особенно с тем сценарием, который я развивал в «Несводимостях», — когда «я впервые увидел вещи ни к чему не сводимыми и свободными». Не было ничего неизбежного, ничего определенного, ничего непоправимого в злоключениях субъекта и объекта. Можно было думать иначе⁴⁰.

С этого начального момента все быстро стало на свои места. В июне 1988 года, сойдя с трапа самолета в Мельбурне, куда я приехал на два драгоценных месяца полного и благословенного оди-

39. *Whitehead A. N. The Concept of Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1920. P. 165–166.*

40. *Stengers I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts / Chase M. (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.*

ночества, и даже испытывая вялость из-за смены часовых поясов, я мог одним махом набросать список режимов, которые намеревался исследовать более систематически⁴¹. Мне был 41 год, я уже опубликовал три книги — все только начиналось. По-прежнему не хватало нескольких режимов или модусов, но самое важное уже было, особенно это касалось принципа сравнения на основе метаязыка, цель которого состояла лишь в том, чтобы оберегать онтологический плюрализм от субъект-объектной схемы. В частности, никакие рамки — назовем их семиотическими, теоретическими, философскими, какими угодно — больше не препятствовали разворачиванию полей исследования. Я мог быть, не впадая в противоречие, и философом, и антропологом, и социологом: все побуждало к исследованию, и все из него произрастало. Здесь началось приключение, продолжить которое сегодня приглашаются читатели книги о модусах существования — продолжить, при желании приняв участие в исследовании.

Но, прежде чем я завершу, не мешало бы вспомнить о том, какое влияние оказали эти исследования на схему природа/культура в философской антропологии. Я никогда не забывал шок от Африки, неокOLONиализма, продвижения фронта модернизации. Как можно практиковать подлинно симметричную антропологию? В Мельбурне я подготовил обширный критический обзор только что вышедшей тогда основополагающей работы Саймона Шеффера и Стивена Шейпина, посвященной Гоббсу и Бойлю, — «Левиафан и воздушный насос»⁴². Благодаря исследованию режимов высказывания этот обзор привел к важному результату в симметричной антропологии: наконец-то реалистичное описание наук, демонстрация их материального оснащения, выведение на передний план цепочек референции — все это сделало возможным отделение репрезентации Природы и от работы наук, и от движения предоставленных самим себе сущностей — движения, которое Уайтхед в конце концов научил меня уважать. Стала возможна антропология нововременных — антропология, которая могла бы превратить схему природа/культура, до этого использовавшуюся антропологами как незаменимый ин-

41. Опубликовано в: *Latour B. Petite philosophie de l'énonciation // Eloqui de senso: dialoghi semiotici per Paolo Fabbri, Orizzonti, compiti e dialoghi della semiotica: saggi per Paolo Fabbri / P. Basso, L. Corrain (eds). Milan: Costa & Nolan, 1998. P. 71–94.*

42. *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.*

струмент, в тему исследования (еще раз: «инструмент становится темой»).

Результат был нетривиален, так как позволил обнаружить огромную пропасть между модернистским представлением истории (то есть репрезентацией модернизирующего фронта) и реальной историей (сцеплением людей с не-людьми, все более тесным и как никогда масштабным). Но прежде всего открылась, наконец, возможность при помощи других коллективов (с тех пор я и использую этот термин, дабы заменить им слишком «антропоцентричное» слово «общество») проводить сравнения, менее искаженные идеей модернизирующего фронта, способного со временем модернизировать всю планету. «Другие» в действительности не являются нововременными? Тем лучше: у нас Нового времени не было, и у них никогда не будет. Нас ждет совсем другая история. Анонсированная в 1991 году история парламента вещей спустя двадцать лет стала еще более актуальной⁴³. Модернизируй или экологизируй: нам предстояло сделать свой выбор.

Как я полагал, главным достоинством книги «Нового времени не было» (представляющей негативную версию аргумента, чью позитивную версию я предлагаю в «Исследовании модусов существования») являлось то, что она положила начало более тесному сотрудничеству с антропологами (настоящими антропологами) в области онтологического плюрализма различных коллективов. Для Филиппа Дескола, Эдуардо Вивейроса де Кастро или Мэрилин Стратерн дело было уже не в сравнении культур на фоне Природы, а во все более и более остром противопоставлении онтологий, среди которых лишь одна — наша — использовала схему мононатурализма и мультикультурализма. Бывшая служанкой философии, антропология превращается если не в ее хозяйку, то по крайней мере в коллегу; становясь локальной или региональной, онтология становилась, соответственно, глубже. Ибо у науки о бытии в рукаве больше одного туза, и избавление от ограничений, налагаемых понятием «символической репрезентации материального мира», открывает возможности для более плодотворной исследовательской программы.

Таким образом, можно выстроить новые связи между наукой о бытии как таковой (почтенной дисциплиной онтологии) и наукой о бытии как *другом* (антропологией). Более того, люди, ко-

43. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.

торых Дескола рассматривает как натуралистов, белых, взбешенных пользователей схемы природа/культура, на практике делают что-то еще совершенно иное, что, с моей точки зрения, усложняет их описание⁴⁴. И этим нельзя пренебречь, так как все большее и большее давление со стороны актуальных экологических проблем требует от нас быть внимательнее к отношениям между космологией и наукой. Термин «космология», используемый в единственном числе точными науками, и термин «космологии», обычно свободно используемый во множественном числе антропологами для описания разнообразных представлений о мире, теперь сходятся внутри того, что стало новым политическим миром, миром современной космополитики.

В конце концов загадка о том, что же это были за люди Нового времени, осталась не разгадана. Что с ними случилось? Если это не Природа, которую они открыли, прорвавшись сквозь пелену своих культур, и если это не Разум, наконец-то проливший свет на тьму репрезентаций, то что в действительности произошло? Наследниками чего они являются? Чтобы ответить на эти вопросы философской антропологии и региональной онтологии, нам необходим метод, с помощью которого можно было бы адекватно изобразить требующие описания ситуации. Сколько нужно сенсоров, дабы должным образом подойти к ценностям, развернутым нововременными? Я попытался идентифицировать эти сенсоры в надежде, что этот краткий обзор истоков моего исследования вдохновит кого-нибудь из читателей и они помогут мне осуществить мой замысел.

Библиография

- Bastide F. Una notte con Saturno: scritti semiotici sul discorso scientifico. Rome: Meltemi, 2001.
- Bultmann R. L'histoire de la tradition synoptique. P.: Seuil, 1971.
- Callon M. Éléments pour une sociologie de la traduction: la domestication des coquilles Saint-Jacques et des marins pêcheurs en baie de Saint-Brieuc // L'année sociologique. 1986. Vol. 36. P. 169–208.
- Callon M. Pour une sociologie des controverses techniques // Fundamenta Scientiae. 1981. Vol. 2. № 3/4. P. 381–399.
- Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: How Do Actors Macrostructure Reality, and How Sociologists Help Them To Do So? // Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration

44. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

- of Micro and Macro Sociologies / K. Knorr, A. Cicourel (eds). L.: Routledge, 1981. P. 277–303.
- Dagognet F. Écriture et iconographie. P.: Vrin, 1974.
- Haraway D. Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science. L.: Routledge, Kegan Paul, 1989.
- Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity // Social Studies of Science. 1988. Vol. 18. P. 3–44.
- Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
- Latour B. Aramis, ou l'amour des techniques. P.: La Découverte, 1992.
- Latour B. Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence // Social Studies of Science. 2003. Vol. 43. № 2. P. 287–301.
- Latour B. Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes. P.: La Découverte, 2012.
- Latour B. La répétition de Charles Péguy // Péguy, écrivain. Colloque du centenaire. P.: Klincksieck, 1977. P. 75–100.
- Latour B. Mixing Humans with Non-Humans: Sociology of a Door-Opener // Social Problems. 1988. Vol. 35. P. 298–310.
- Latour B. Petite philosophie de l'énonciation // Eloqui de senso: dialoghi semiotici per Paolo Fabbri, Orizzonti, compiti e dialoghi della semiotica: saggi per Paolo Fabbri / P. Basso, L. Corrain (eds). Milan: Costa & Nolan, 1998. P. 71–94.
- Latour B., Bastide F. Essai de science fabrication // Études françaises. 1983. Vol. 19. P. 111–133.
- Latour B., Fabbri P. La rhétorique de la science: pouvoir et devoir dans un article de science exacte // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1977. Vol. 13. № 1. P. 81–95.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Les "vues" de l'"esprit": visualization et connaissance scientifique / B. Latour, J. De Noblet (eds). P.: Culture Technique, 1972.
- Péguy C. Oeuvres en prose 1909–1914. P.: Gallimard, Ed. de la Pléiade, 1961.
- Representation in Scientific Practice / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. P.: Aubier, 1958.
- Souriau E. Les différents modes d'existence. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
- Stengers I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Strum S. Agonistic Dominance among Baboons: An Alternative View // International Journal of Primatology. 1982. Vol. 3. P. 175–202.
- Strum S., Latour B. The Meanings of Social: From Baboons to Human // Information sur les Sciences Sociales / Social Science Information. 1987. Vol. 26. P. 783–802.
- The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. Pinch (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

- Whitehead A. N. The Concept of Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1920.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 153–171.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
- Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
- Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

BIOGRAPHY OF AN INQUIRY: ON A BOOK ABOUT MODES OF EXISTENCE

BRUNO LATOUR. Professor, Director, Médialab, bruno.latour@sciencespo.fr.
Institut d'Études Politiques de Paris (Sciences Po), 27 rue Saint-Guillaume, Paris,
Cedex 07 75337, France.

Keywords: mode of existence; actor-network theory; agency; semiotics; anthropology.

This article retraces the main steps that have led to the project called “An Enquiry Into Modes of Existence” (AIME). The author shows that this project actually preceded the work done in actor-network theory, and explains the link between philosophy and anthropology through the peculiar notion of “mode of existence.” The AIME project is a collective study of the modern civilisation, done by many authors by means of hypertext. In order to break the research out of the limits of the genealogy or critique of the Western rationality and to dig into the enigma that are “the moderns,” the author introduces the concept of “modes of existence,” which refer to specific socio-anthropological-cultural domains.

The project is rooted in biblical exegesis, which lent it its textual practices. Fieldwork in anthropology completed in South Africa provoked the need for a reflective ethnography, taking the European modern civilisation as its subject. This was tested as anthropology of science in the Salk Institute. Then the theory was infused by semiotics and ethnomethodology, and shaped by collaborations with physicists, ecologists, physiologists etc., which led to the concepts of irreducibility and symmetrical anthropology. The paper demonstrates that the AIME project is rooted in its own socio-politico-cultural history, just as its objects of research, i.e. the moderns. It is, in a way, a reapplication of the method of AIME to itself.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-217-241

References

- Bastide F. *Una notte con Saturno: scritti semiotici sul discorso scientifico*, Rome, Meltemi, 2001.
- Bultmann R. *L'histoire de la tradition synoptique*, Paris, Seuil, 1971.
- Callon M. Éléments pour une sociologie de la traduction: la domestication des coquilles Saint-Jacques et des marins pêcheurs en baie de Saint-Brieuc. *L'année sociologique*, 1986, vol. 36, pp. 169–208.
- Callon M. Pour une sociologie des controverses techniques. *Fundamenta Scientiae*, 1981, vol. 2, no. 3/4, pp. 381–399.
- Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: How Do Actors Macrostructure Reality, and How Sociologists Help Them To Do So? *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro Sociologies* (eds K. Knorr, A. Cicourel), London, Routledge, 1981, pp. 277–303.
- Dagognet F. *Écriture et iconographie*, Paris, Vrin, 1974.
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [L'Anti-Œdipe: Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2007.
- Derrida J. *O grammatologii* [De la grammatologie], Moscow, Ad Marginem, 2000.
- Descola P. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Par-delà nature et culture], Moscow, New Literary Observer, 2012.
- Garfinkel H. *Issledovaniia po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology], Saint Petersburg, Piter, 2007.

- Greimas A.-J. Razmyshleniia ob aktantnykh modeliakh [Reflections on Actantial Models]. *Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism] (ed. G. K. Kosikov), Moscow, Progress, 2000, pp. 153–171.
- Haraway D. *Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, London, Routledge, Kegan Paul, 1989.
- Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity. *Social Studies of Science*, 1988, vol. 18, pp. 3–44.
- Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013.
- Latour B. *Aramis, ou l'amour des techniques*, Paris, La Découverte, 1992.
- Latour B. Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence. *Social Studies of Science*, 2003, vol. 43, no. 2, pp. 287–301.
- Latour B. *Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes*, Paris, La Découverte, 2012.
- Latour B. La répétition de Charles Péguy. *Péguy, écrivain. Colloque du centenaire*, Paris, Klincksieck, 1977, pp. 75–100.
- Latour B. Mixing Humans with Non-Humans: Sociology of a Door-Opener. *Social Problems*, 1988, vol. 35, pp. 298–310.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de "Irréductions"], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriuu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Latour B. Petite philosophie de l'énonciation. *Eloqui de senso: dialoghi semiotici per Paolo Fabbri, Orizzonti, compiti e dialoghi della semiotica: saggi per Paolo Fabbri* (eds P. Basso, L. Corrain), Milan, Costa & Nolan, 1998, pp. 71–94.
- Latour B., Bastide F. Essai de science fabrication. *Études françaises*, 1983, vol. 19, pp. 111–133.
- Latour B., Fabbri P. La rhétorique de la science: pouvoir et devoir dans un article de science exacte. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, 1977, vol. 13, no. 1, pp. 81–95.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton, Princeton University Press, 1986.
- Les "vues" de l'"esprit": visualization et connaissance scientifique* (eds B. Latour, J. De Noblet), Paris, Culture Technique, 1972.
- Péguy C. *Oeuvres en prose 1909–1914*, Paris, Gallimard, Ed. de la Pléiade, 1961.
- Representation in Scientific Practice* (eds M. Lynch, S. Woolgar), Cambridge, MA, MIT Press, 1990.
- Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life*, Princeton, Princeton University Press, 1985.
- Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*, Paris, Aubier, 1958.

- Souriau E. *Les différents modes d'existence*, Paris, Presses Universitaires de France, 2009.
- Stengers I. *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2011.
- Strum S. Agonistic Dominance among Baboons: An Alternative View. *International Journal of Primatology*, 1982, vol. 3, pp. 175–202.
- Strum S., Latour B. The Meanings of Social: From Baboons to Human. *Information sur les Sciences Sociales / Social Science Information*, 1987, vol. 26, pp. 783–802.
- The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* (eds W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. Pinch), Cambridge, MA, MIT Press, 1987.
- Whitehead A. N. *The Concept of Nature*, Cambridge, Cambridge University Press, 1920.